

ЯЗЫК, ПРОСТРАНСТВО, РИТУАЛ КАК ЗНАКИ СЛОВЕНСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Татьяна И. Чепелевская

Институт славяноведения РАН, Россия

In the paper an attempt is made to analyze, on the material of literature and the history of everyday life, the mechanism of identification in the Slovenian culture. On the base of their native language the Slovenians have been carrying on their own identification by means of contrasting and at the same time uniting the general Slav and the unique Slovenian self-consciousness. Through the category of space in the Slovenian consciousness the connection and unity of the whole Slovenian people were realized, especially of the parts that at different periods of time turned to be beyond their native ethnographic territory. The ceremony, including the transitional one, in the XIX – XX centuries helped to identify the cultural and artistic achievements of the Slovenian people that had comprehended the value of the unity of its culture. In connection with that the motive of the cultural memory arises in the paper – the ceremony of enthroning that has been known since the VII century and has acquired its importance in modern literature.

В последнее время все большее внимание у нас и за рубежом привлекают внимание так называемые культурные механизмы, о которых писали В.М. Живов, Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский и мн. др. (Живов 1996; Лотман 1971). Обращение к механизмам культуры существенно дополняет ее исследование и делает его многомерным. Используя культурный механизм как способ, общий для многих операций, производимых с текстом культуры, «возможно описать и классифицировать многие явления, которые могут казаться разрозненными и не связанными между собой. На самом деле они могут порождаться общим для них культурным механизмом. Он может задаваться культурной политикой, идеологическими направлениями, т.е. направляться извне на тексты культуры. Может быть органической частью самой культуры, т.е. находиться внутри текстов культуры»¹.

В нашей работе хотелось бы выделить механизм идентификации, который действует на многих уровнях текста, а также на всем пространстве культуры. Так, действие этого механизма может быть рассмотрено на уровне языка, когда различение его элементов (например, при машинном переводе) предполагает предварительную их идентификацию; на уровне исторического документа или художественного текста, а также произведения изобразительного искусства. Для современной культуры вопрос выявления механизма идентификации часто связывается с проблемами интертекста и интертекстуальности, например, в постмодернизме.

Сама же проблема идентификации обращает нас к вопросу о различении понятий «тождество» и «сходство». В одной из работ, посвященных данному вопросу, сходство определяется как «отношение между разными объектами», в то время как тождество есть «отношение объекта к самому себе, точнее, между разными «явлениями» одного объекта». При этом тождество устанавливается в акте *идентификации*, а сходство – в акте *уподобления*. Оба эти акта предполагают сравнения. Психологически при уподоблении сравниваются либо два разных объекта, либо объект и образ, либо два образа. При

отождествлении (т.е. идентификации), осуществляемом в контексте жизни, сравнивается объект и его образ, извлеченный из памяти (Арутюнова 1990: 8).

Отношения тождества и подобия близки и в то же время глубоко различны. Если продолжить их сравнительный ряд, то следует отметить, опираясь на высказывания Н.Д. Арутюновой, что сходство предполагает существование по крайней мере двух объектов; понятие же тождества в классическом случае приложимо к тому, что «по числу одно» (Аристотель). Сходство, будучи отношением между разными объектами, необходимо сопровождается различием. Тождество, будучи отношением объекта к самому себе, стирает различия (Арутюнова 1990: 9).

«Понятие тождества, – утверждает ученый, – относится к числу фундаментальнейших концептов мысли и языка. Именно тождество и различие определяет саму «картину мира», делит ее на «сущности». Различным «сущностям», выделяемым в мире человеком, соответствуют различные виды тождества: тождество индивидов, тождество рода (таксономическое тождество), тождество признаков, тождество ситуаций и событий и т.д.» (Арутюнова 1990: 52).

Именно в этом ключе мы постараемся рассмотреть проблему выявления тождества (как тождества рода) через акты идентификации и самоидентификации – на словенском материале. Для нас эта проблема связана с вопросом о самоопределении словенцев – определении ими своей родовой, племенной, национальной принадлежности. При этом нашим материалом служат сами тексты культуры.

История словенцев, небольшого, но древнего славянского народа в самом центре Европы, «полна резких контрастов, крутых переходов от раннего динамического подъема к долгим столетиям безвестности и вновь к пробуждению и подъему» (Ронин; Иванов 1989: 165). В крайне неблагоприятных для себя как для народа условиях они смогли на протяжении более чем тысячелетия сохранить свою этническую идентичность. И ключ к пониманию этого «словенского феномена» ученые видят в этническом самосознании как решающем критерии существования этноса.

Итак, процесс идентификации словенского народа, а мы определяем его именно как процесс со своими значимыми этапами и компонентами, развитие каждого из которых оказывает влияние на общий ход этого процесса, на протяжении многих веков развивался по-разному.

Истоки этого процесса у словенцев относятся к эпохе раннего Средневековья. Тогда в 623 г. жители Карантании (или Хорутании²), т.е. карантанцы совместно с чехами и мораванами освободились от владычества аваров и образовали первое славянское государственное объединение, известное под названием государство Само, в котором Карантания имела определенную самостоятельность³.

После смерти Само в 658 г. и распада его государства карантанцы сумели сохранить независимость. Но в 745 г. после одного из самых жестоких набегов аваров карантанский князь Борот отдал свою страну под покровительство баварского князя Одило, и в 788 г. Карантания вместе с Баварией отошла под власть франков. К XII в. на нынешней словенской территории сложилось несколько стабильных территориально-политических единиц, в которых формировалось провинциальное самосознание: словенцы, жившие в разных провинциях, чувствовали себя краинцами, штирийцами, каринтийцами и пр., но не

² Под именем хорутане словенцы были известны и древнерусской летописи.

³ До этого времени территория современной Словении, заселенная со времен неолита, была подвластна римлянам (в III в. до н.э.), а позже подвергалась опустошительным набегам полудиких орд вестготов, гуннов, лангобардов, а с VI в. к ним присоединяются славяне и авары.

единым народом. Этому во многом способствовало и выраженное диалектное дробление словенского языка.

Вопрос «Кто мы?» явственно зазвучал на этой территории в XVI в., когда словенские протестанты развернули деятельность по созданию алфавита, грамматики, переводу на словенский язык Библии и других церковных (и не только) текстов. Несмотря на то, что в некоторых провинциях население было смешанным⁴, постепенно начинает формироваться общесловенское и общеславянское этническое самосознание. Этому способствовала и деятельность словенских просветителей в XVIII в. Так, в Любляне, центре провинции Крайна, существовал кружок-группа Марко Похлина (отца Марка), а также действовала *Akademia oreozogum*, куда входили (помимо М. Похлина), известные писатели и ученые (Б. Кумердей, М. Куральт, А. Линхарт, А. Япель). Позднее, после распада академии также в Любляне существовал кружок мецената и литератора С. Цойса, активным членом которого был молодой священник, будущий первый словенский поэт В. Водник. В другой словенской провинции Прекмурье просветительские идеи в этот период пропагандировал в своих произведениях Штефан Кюзмич.

С одной стороны, словенские просветители XVIII в. выделяли в качестве первостепенной задачи развитие родного языка и литературы на нем с опорой на наследие протестантских деятелей (А. Бохорича, Ю. Далматина, П. Трубара и др.). С другой – они в своих сочинениях всячески пропагандировали идею славянской взаимности, связи словенцев с другими славянскими народами, особенно с «сильным и могучим» русским народом⁵. Правда, помимо общеславянского и русофильского течений в словенском национальном движении существовало и австрославизм, представителями которого были драматург, автор первой пьесы на словенском языке А. Линхарт и известный лингвист Е. Копитар.

Таким образом, на этом этапе словенской истории важнейшим знаком механизма идентификации становился язык. Проблема развития родного языка и на этом фоне выявление его родства с другими славянскими языками оказывались прекрасным наглядным средством агитации, помогающим словенцам осознать ответ на вопрос «Кто мы?». Так происходило в центральной словенской провинции – Крайне, где словенское население составляло большинство, несколько иной была ситуация в других регионах.

Наряду с пространством духа, каким является язык, важным знаком идентификации и самоидентификации для словенцев являлась опора на свою землю, и в этом случае их поиски самих себя определяли пространственные параметры. В разные периоды истории на повестке дня оказывался, наряду с вопросом «Кто мы?», другой вопрос: «Где мы?».

При разнонаправленных (центростремительных и центробежных) движениях, существовавших на этой небольшой территории, в отдельные периоды истории центростремительное движение, движение к ядру становилось важным знаком самоидентификации. Так происходило после Первой мировой войны, когда по результатам референдума 1920 г. часть спорных словенских территорий (вопрос о статусе которых не был решен на Парижской мирной конференции) отошли Австрии. Так было и перед Второй мировой войной, когда словенское Приморье (Триест и его область) было оккупировано итальянскими войсками. Результатом этих территориальных отторжений явилось массовое переселение словенцев на исконно словенские земли. Сотни семей,

⁴ Так, в Каринтии и Штирии помимо словенцев до трети населения составляли немцы, в Горице существовал небольшой процент итальянского населения.

⁵ Так, в первой словенской газете В. Водника («Lublanske novice» – «Люблянские новости», издавалась в 1797–1800 гг.) печатался труд самого издателя под названием «О русском языке» (своеобразный цикл переходящих из номера в номер статей).

бросая все, устремляются на «свою», словенскую территорию с тем, чтобы начать жизнь сначала. Это исполненное трагизма решение всколыхнуло жителей всей, так называемой «матичной», территории. Литература тоже откликнулась на этот выбор и вызов жизни. У представителей разных литературных течений и разных стилевых ориентаций возникают произведения, в первую очередь, поэтические, посвященные судьбам переселенцев. В литературе обозначился мотив изгнанничества, тесно связанный с образом словенца. Еще на рубеже XIX–XX вв. этот мотив развивал в своих произведениях словенский классик Иван Цанкар в рамках оппозиции *свой / чужой* и через концепты дома и дороги. В новых исторических условиях тот же мотив изгнанничества получает дополнительное значение – как знака идентификации словенца через пространство.

Так, у Алойза Градника эта тема находит отражение в цикле «Приморские сонеты». Здесь мотивы дальней дороги, потерянного дома, умирания рода становятся доминантными:

*Дальняя дорога, новая родина
моя, ведет меня в края чужие,
в другие волны поплывет мой челн,
со мной не будет ни жены, ни семьи.*
(сонет «Горица» – Gradnik 1952: 36)

В 1930-е гг. у словенских поэтов-экспрессионистов образы изгнанников, реальных переселенцев вырастают до символов вселенского масштаба. У Франце Водника, например, отчетлива параллель: идущий по дороге «изгнанный сын земли» и шагающий по крестному пути окровавленный Христос. И его строгий взгляд, невидимый, а только ощущаемый душой и сердцем, «сиял как луч во тьме, пока я шел через безмолвные просторы земли, населенные мертвыми народами» («Изгнанник») (Pot skozi noč 1966: 50).

Накануне Второй мировой войны эту тему подхватывают молодые поэты, воспринимавшие эти события как уже сложившуюся народную мифологию и все же ощущающую боль и свою сопричастность национальной трагедии. Франце Балантич в предвоенном 1939 г. создает небольшой сонетный цикл «На безумных дорогах», в каждом из сонетов которого воссоздает тревожащие душу образы изгнанников:

*Мы оба с тобой бездомные под серым холодным небом,
как тысячи наших братьев, сестер в чужом краю
затоптанной крови ищем отдохновенья.*

*Мы с тобой возвращаемся домой!
Возможно, с хлебом
на пороге мать будет ждать нас.*
(сонет «Затоптанная кровь» – Balantič 1991: 75)

В годы войны тема изгнанничества вновь становится актуальной для словенцев, а образ странника-изгнанника обретает дополнительный смысл, поскольку переселению подвергались жители, оказавшиеся на оккупированных немцами территориях, откуда их переселяли в Сербию, в лагеря Италии, Германии. Остававшиеся анонимными авторы посылают свои стихотворные послания на родину (например, стихотворение «О переселении словенцев», посланное из Силезии⁶), пишут стихи поэты-партизаны (М. Бор «Изгнанники», «Ноябрьская ночь 1941 г.»), в которых развивается тема вынужденного освоения чужого пространства, противопоставленного образу матери-земли,

⁶ См. об этом: *Smolej V. Zgodovina slovenskega slovstva. Zv. VII Slovtvo v letih vojne 1941-1945.* Ljubljana. 1971. S. 131.

принимающей всех потерявших кров в свои объятия. Вот как выразил эти чувства в одном из своих сонетов А. Градник:

*О, земля, добрая ты и неизбывная,
о, земля каменистая, о, земля горькая,
еще сильнее прижми их к своей груди.*
(«На Контовеле» – Gradnik 1952: 39)

Это звучащее рефреном обращение к родине создает ощущение молитвенного призыва и ожидания помощи. Если вернуться к языку как знаку идентификации, то здесь налицо обращение к слову сакральному; вместе с тем происходит сакрализация одного из жанров патриотической поэзии – песнь родной земле становится песней-молитвой.

Следует отметить, что к жанру молитвы-побуждения, молитвы-призыва обращались и словенские просветители в начале XIX в. («Molitva za božo Slovenko» (1811) Шт. Модриняка, поэма У. Ярника «Na Slovence»). В годы Второй мировой войны обращение к жанровой форме песни-молитвы (А. Градник «Поющая кровь», поэма С. Шали «Песнь родной земле» – 1944 г.) служило дополнительным доказательством единства словенцев из разных провинций, отражением их внутреннего самоопределения, а значит и самоидентификации. Примечательно, что жанр песни-молитвы, стихотворения-молитвы сохранился в словенской литературе и до наших дней. В поэме Р. Ерцегович «Молитва земле», несмотря на присутствие атрибутивных характерологических национальных черт, поэтический образ земли все же имеет несколько размытые очертания: он постепенно охватывает не только маленькую прекрасную родину словенцев, но и всю землю.

*Вопреки разорванному миру
Пью из источников безгрешности.
Святую воду из глубин нежности.
Серая сова показывает путь моим глазам,
Чтобы они видели то,
Что должны видеть.
На мягком белом покрывале луга
Отдыхает тишина мира.
Сюда я хожу за светом для своей души.
За новыми рассветами.
Сюда я хожу поить усталых коней.
Нежности солнца предавать свое тело.
Сюда я несу свое сердце для врачевания
В любящие ладони земли.*
(Ercegović 2000)

Другой важной объединяющей силой, еще одним знаком идентификации для словенцев оказывается ритуал. Одни ритуалы, являясь переходными (транзитивными), связаны с констатацией перехода человека в иное пространство (рождение – свадьба – смерть – похороны). Другие ритуалы, относящиеся к календарно-обрядовой группе, связаны с циклом человеческой жизни. Есть конфессиональные обряды (крестины – бракосочетание – отпевание). Все это позволяет понять не только многообразие ритуалов, но и несомненную их национальную специфику. В них сливаются воедино, становясь целым, члены социума, осознающие свое единство в тот момент, когда они начинают общение на языке обряда.

У словенцев можно привести несколько примеров ритуалов, сыгравших важную роль в их истории. Один из них – обряд возведения на престол на Господетском поле, который сохранился со времен государства Само (VII в.) вплоть до XV в. Здесь реализация права словенских косезов⁷ возводить на карантанский престол воеводу (герцога) со временем превратился в обряд, выражающий государственно-политические чаяния словенцев, а само место – Господетско поле и Княжеский престол (Кнезов камен) обрело черты мифологизированного символа государственной самостоятельности словенцев.

Другим примером использования ритуала как определенного знака идентификации явились церковные шествия по случаю различных религиозных торжеств. В средние века эти шествия отличались особой пышностью и носили явный ритуальный характер, а сохранившиеся их описания (в церковной литературе и в художественных произведениях словенских авторов, посвященных эпохе средневековья) свидетельствуют о необычайном воодушевлении, с которым воспринимало эти обряды словенское общество. Правда, в данном случае подобные ритуальные шествия, скорее, свидетельствовали не о национальной, а о конфессиональной идентификации. В гораздо большей степени национальной идентификации ритуал послужил в период конца XIX – начала XX вв., который Матьяж Кмецл, историк литературы и культуры Словении, назвал «великим временем словенских похорон» (Кмецл 1987: 112). Именно в это время в Любляне проходили пышные похороны крупных деятелей словенской культуры. Так, в конце ноября 1881 г. вся Словения прощалась с крупным деятелем словенской культуры Я. Блейвейсом и писателем Й. Юрчичем, в 1887 г. – с Ф. Ерьявцем и Ф. Левстиком. Особенно торжественными и многолюдными были похороны (в ноябре 1906 г.) словенского поэта С. Грегорчича. Печать того времени скрупулезно отражала весь ход ритуала, который продолжался несколько дней. Во всех крупных изданиях приводилось подробное перечисление участников процессии, описание пути ее шествия, были освещены работа комиссии по подготовке памятника и сбору денег для него, а также работа комиссии для конкурса по возведению памятника выдающемуся словенцу. Можно предположить, что своеобразным образцом для словенцев послужили торжественные мероприятия, связанные с открытием памятника А.С. Пушкину работы А.М. Опекушина в Москве в 1880 г. И тем не менее, для словенцев это был знак уважения к великому соотечественнику, которое выразило все общество.

«Представляется, – пишет М. Кмецл, – что «великое время словенских похорон» – это одна из своеобразных форм перехода национального из состояния скрытого в явное, из анонимного в поименованное, из небытия в историю. Похороны стали основной формой национальной демонстрации – войны не было, следовательно, не было и парадных маршей общенационального масштаба; общество «Сокол»⁸ уже существовало, но их маршей, а также гимнастических упражнений, которыми те заканчивались, было недостаточно; религиозные процессии как действо уже исчерпывали себя. Весь немногочисленный народ усиленно боролся за утверждение своего имени, свою легитимность, за то, чтобы выразить национальную идею... Народ должен был стать

⁷ Косезы (потомки словенской знати) представляли собой прослойку словенских крестьян, занимавших привилегированное положение в тогдашнем обществе. Так, помимо личной свободы они пользовались правом ношения оружия. Сам обряд происходил на Господетском поле недалеко от нынешнего австрийского Клагенфурта (слов. Целовец), куда немецкий герцог приходил в одежде словенского крестьянина, ведя за собой быка и кобылу. На Кнезовом (Князьем) камне его ожидал крестьянин-косез. Перед тем как уступить место, он задавал герцогу несколько вопросов по-словенски. Получив ответы на них (также по-словенски), а также 60 денариев, быка и кобылу, косез уступал ему свое место на символическом престоле.

⁸ Имеется в виду спортивное общество «Сокол», многочисленная общественная организация, филиалы которого существовали во всех словенских провинциях.

божественной аксиомой, которая диктует все, стать моралью моралей и заповедью, твердым сплавом земного и божественного, неписанным, но твердо действующим законом и мифом... И каждые пышные похороны поэтому тогда очень быстро становились маленьким национальным шествием в небо» (Кмецл 1987: 120-121). Иными словами, обряд похорон, по мысли ученого, становился «возможностью самопредставления, самоидентификации – и возможностью для преобразования посмертных останков в вечную идею» (Кмецл 1987: 121).

Дальнейшая история показывает, что как только этот ритуал формализовался полностью, он перестал быть вместилищем национальной идеи. Особенно показательным в этом отношении стали похороны И. Цанкара в 1918 г., когда в городе не были вывешены даже траурные знамена, хотя еще совсем недавно по приказу городского головы дополнительно освещались улицы для скорбных процессий. Более того, постепенно пышные похороны стали превращаться в скандалы, и днем мирно шедшие в одном ряду идейные противники вечером устраивали потасовки, чтобы наутро вновь вставать в процессию с перевязанными головами. И вскоре обряд похорон был сокращен, а в конце концов он почти совсем потерял прежнюю идентификационную роль... (Кмецл 1987: 124-125).

Итак, мы постарались рассмотреть проблему идентификации словенцев, используя три важных знака культуры: язык, пространство и ритуал.

Этот ряд можно расширить, но главной нашей задачей было показать, как в разные периоды времени эти знаки работали на выявление главного – отождествления нашего объекта с его образом, демонстрировали их единство во времени и пространстве.

Вопрос, связанный с идентификацией и самоидентификацией, как представляется, оказывается немаловажной и для современного этапа словенской истории. После распада Югославии и длительного периода укрепления своей национальной самостоятельности Словения, в атмосфере всеобщего воодушевления, вошла в Евросоюз (2004 г.), и теперь перед словенцами, как и перед другими народами, составившими это многонациональное объединение, встают новые проблемы идентификации и самоидентификации. Попытки рассмотреть их предпринимаются в разных работах: политических, культурологических и т.п. Так, автор статьи «Европейская идентичность, или Как помочь людям ощутить себя гражданами Европы» д.п.н. из Мадрида Кристина Куарони (Куарони 2004) утверждает, что недостаточно одного юридического объединения ЕС; необходимо придать легитимность этому Союзу в глазах рядовых граждан. А для этого нужны общие ценности, которые не противоречили бы национальным особенностям каждой страны. Иными словами, вновь встает вопрос об условиях действия новых механизмов идентификации.

Ученый рассматривает две ведущие концепции решения проблемы, существующие в настоящее время. С одной стороны, концепция «союзного национализма» (в российской научной литературе иногда – «коммунарный национализм») опирается на признание невозможности отделить историко-культурную принадлежность от политической. Тем самым признается то, что субъективные интересы европейцев все еще находятся на национальном уровне при всей возросшей объективной взаимозависимости между европейскими странами. Основные положения данной концепции подразумевают, что европейская идентичность должна основываться на общем прошлом, с упором на культурную однородность, общую экономическую жизнь и общие цели социальной политики. В итоге должно появиться новое чувство принадлежности к единому целому,

которое главенствовало бы над принадлежностью к отдельному государству. Знаками такой новой идентификации призваны стать единый европейский флаг, гимн, паспорт и т.д.

С другой стороны, защитники концепции, получившей название «патриотический конституционализм», или космополитизм (Ю. Хабермас и представители Франкфуртской школы), предлагают взять за основу европейской идентичности универсальные демократические принципы, концепцию правового государства и уважение имеющихся различий, то есть связи между жителями ЕС должны основываться на юридических, политических и моральных аспектах, а не на исторических, культурных или географических, как утверждают представители теории «союзного национализма». В этом случае политическая идентичность основывается на следовании общим принципам политической справедливости и на создании институтов и структур, через которые эти принципы осуществляются.

По какому пути пойдет этот процесс и какие механизмы идентификации будут включаться, покажет время, а историкам и культурологам, думается, предстоит сравнивать его с объединениями разных типов, уже пройденными европейскими народами, и делать свои выводы.

Библиографический список

- Balantič F. Zbrane pesmi / F. Balantič. Ljubljana, 1991.*
Ercegovič R. Molitev Zemlji / R. Ercegovič. Ptuj, 2000.
Gradnik A. Primorski soneti / A. Gradnik. Koper, 1952.
Kmecl Slovenska postna premišljevanja / Kmecl. Ljubljana, 1987.
Pot skozi noč. Izbor iz slovenske futuristične in ekspresionistične poezije. Ljubljana, 1966.
Арутюнова Н.Д. Тожество и подобие (заметки о взаимодействии концептов) / Н.Д. Арутюнова // Тожество и подобие. Сравнение и идентификация / под ред. Н.Д. Арутюновой. М., 1990. С. 7-32.
Живов В.М. Язык и культура в России XVIII в. / В.М. Живов. М., 1996.
Куарони К. Европейская идентичность, или Как помочь людям ощутить себя гражданами Европы / К. Куарони // Европа. М., 2004. № 1.
Лотман Ю. и др. О семиотическом механизме культуры / Ю. Лотман, Б. Успенский // Труды по знаковым системам. V. Тарту, 1971.
Ронин В.К. и др. Проблемы этнического самосознания словенцев / В.К. Ронин, Вяч.Вс. Иванов // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 165-181.
Чуркина И.В. Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия / И.В. Чуркина. М., 1978.